

Рентные отношения и разделение прибыли от добывающей деятельности на ренту и предпринимательский доход¹

© 2017 г. Г.А. Александров, И.С. Комаров *

Предмет. В статье теоретически обосновывается и предлагается оригинальный подход к решению проблемы разделения прибыли от добывающей деятельности на ренту и предпринимательский доход, решение которой даст возможность разработать адекватный рентным отношениям механизм, обеспечивающий создание благоприятного инвестиционного климата в добывающей отрасли, и, как следствие, мотивацию и стимулы инвестирования.

Цель и задачи. В данной статье преследуется цель теоретически обосновать и сформулировать исходные положения для разработки конкретного метода выделения ренты, в частности торфяной ренты, из прибыли добывающего предприятия, а также выявить те факторы, которые обуславливают размер создаваемой рентной субстанции в процессе осуществления добывающей деятельности.

Методология. В качестве методологической основы в достижении сформулированной цели и решения поставленных задач авторы используют исторический и логический методы исследования, системного анализа и положения экономической теории о сущности и формах проявления рентных отношений в добывающих отраслях.

Ситуация с исследованиями по данной теме. Проблема определения ренты, конкретнее, выделения ренты и изъятия ее из прибыли добывающего предприятия становится в последнее время предметом острых дискуссий. Это объясняется, кроме всего прочего и тем, что расчет, распределение и перераспределение горной ренты – это важнейшие этапы формирования организационно-экономического механизма использования объективных рентных отношений, возникающих в процессе разработки месторождений полезных ископаемых. Последние, как известно, существенно могут отличаться по качественным характеристикам и, как следствие, по условиям их разработки. Вместе с тем, проблема определения добавочного продукта (рентного дохода) и его изъятия в форме ренты до сих пор является предметом острых дискуссий и пока не находит должного разрешения, что весьма затрудняет разработку экономических механизмов обеспечения консенсуса интересов предпринимателей, разработчиков месторождений полезных ископаемых и государства, как собственника месторождений полезных ископаемых. В итоге до сегодняшнего дня не удается достичь прогресса в принятии Федерального Закона «О торфе». Особенно это касается формирования адекватной экономической политики, механизмов регулирования рентных отношений и их организационного и правового обеспечения, обуславливающих инвестиционную привлекательность торфодобывающего вида деятельности.

Результаты. В статье сформулированы научно обоснованные предложения, направленные на разработку методики разделения произведенного добавочного продукта, выручаемого в форме прибыли в процессе отчуждения, на ту ее часть, которая обусловлена качеством месторождений и является субстанцией природной ренты, и другую часть, которая является субстанцией предпринимательского дохода и зависит от качества хозяйствования предпринимателя – недропользователя.

Выводы. Результаты исследования важны, прежде всего, в научном плане, поскольку позволяют продвинуться в разработке концептуальных вопросов использования ренты и рентных отношений в формировании инвестиционно-привлекательного климата в недропользовании, и, в частности, в торфяной отрасли. В практическом отношении, они являются теоретической платформой для создания действенного механизма регулирования рентных отношений и налогового администрирования, как важнейших факторов, обуславливающих мотивацию к инвестированию в торфяную промышленность.

Ключевые слова: недропользование, торфяная отрасль, инвестиционный климат и инвестиционная привлекательность, рентные отношения, прибыль, горная рента и ее субстанция, предпринимательский доход

* Александров Г.А. – д-р экон. наук, профессор, академик РАЕН, g-alexandrov@rambler.ru. Комаров И.С. – канд. экон. наук, доцент, ikomarov@rambler.ru

Тверской государственный технический университет, 170026, Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Тверской области, грант № 14-12-69007а(р).

Введение

Наличие проблемы изъятия ренты, которая до сих пор не находит должного разрешения, весьма затрудняет разработку экономических механизмов обеспечения консенсуса интересов предпринимателей, разработчиков месторождений полезных ископаемых и государства, собственника месторождений. Понятно, что следствием этого являются низкая мотивация и слабые стимулы к инвестированию в добывающую промышленность и, в частности в торфодобычу. Поэтому на первый план выдвигается вопрос распределения создаваемой в процессе торфодобычи прибыли на предпринимательский доход и ренту. Последняя, как известно, определяется размером добавочной прибыли, обусловленной лучшими природными условиями и является субстанцией ренты. Ее определение является основой для разработки конкретных механизмов и организационно-экономических форм, адекватных объективно складывающимся экономическим отношениям в недропользовании (подробно об этом см. в работе [1]), при использовании которых, государство, как собственник недр, получит возможность регулировать ренту и осуществлять налоговое администрирование предпринимательского дохода в целях стимулирования эффективного и рационального недропользования. Кроме того, их использование позволит достигать «консенсуса» и поддерживать его в отношениях между владельцем ресурсодобывающего предприятия и собственником «земли», т. е. месторождения полезного ископаемого.

Вместе с тем проблема разделения прибыли до настоящего времени не нашла разрешения, сколько-нибудь устраивающего исследователей и практиков недропользования. Более того, некоторые из них вообще считают невозможным выделение ренты из прибыли, объясняя это *большим разнообразием* факторов, ее определяющих. Так, например, Ю.Н. Макаркин, по этой причине предлагает заменить дифференциальную горную ренту на систему «изменяющихся рентных платежей и скидок», – отмечая при этом, что «в зарубежной добывающей промышленности не практикуется суммарное определение и изъятие дифференциальной горной ренты» [2]. Однако, здесь не могут не возникнуть вопросы: а что – же в таком случае является основанием для разработки такого рода механизма и какова роль в определении рентных платежей их объективной субстанции – добавочной прибыли? Ответа, к сожалению, мы не находим, кроме утверждения, что предлагаемая система «позволяет проводить гибкую политику по рациональному использованию разведанных запасов месторождений полезных ископаемых и их воспроизводству» [2].

Другая точка зрения по поводу того, что невозможно из валовой прибыли добывающего предприятия выделить ренту, объясняется причинами *чисто технического характера*. В частности, В.И. Данилов-Данильян полагает, что слишком велико разнообра-

зие месторождений и уникальных особенностей, характеризующих каждое из них, чтобы можно было корректно их учесть. И трудности, считает он, возникают «уже при попытках сформировать набор параметров, характеризующих месторождение в аспекте рентообразования» [3]. Однако, с такой точкой зрения соглашаются далеко не все. Как справедливо, на наш взгляд, замечает С.В. Чернявский, что практикой доказано «...что во времена плановой экономики наблюдались удачные попытки выбрать наиболее значимые факторы образования горной ренты и построить экономико-математические и геологические модели функционирования всех крупных месторождений углеводородного сырья. – И продолжает, – если модели, основанные на определенном наборе показателей, существовали ранее, значит, существуют возможности их построения применительно и к сегодняшним условиям» [4, С. 122]. Следует отметить, что в 80-е годы прошедшего столетия и для торфодобывающего производства была разработана и апробирована конкретная методика по идентификации и оценке факторов, влияющих на торфяную ренту и на конечные результаты работы торфопредприятий, хозяйствующих в разных природно-климатических условиях [5].

Итак, мы исходим из того, что без определения размеров ренты, соответствующей реальной величине создаваемой добавочной прибыли, невозможно разработка заявленной «гибкой политики», которая отвечала бы требованию ее адекватности объективно складывающимся рентным отношениям. Иначе говоря, последняя сможет быть тем эффективнее, чем адекватнее будет установлен размер ренты, реально создаваемой добавочной прибыли, выделяемой из общей прибыли. Только в таком случае появляется возможность не затронуть при этом интересы хозяйствующего на месторождении предпринимателя с точки зрения получаемого им предпринимательского дохода.

Концептуальный и методический подход к выделению ренты

При решении поставленной проблемы ряд авторов, исходит из того, что отправным пунктом является нормальная (средняя) прибыль на капитал предпринимателя, хозяйствующего в добывающей сфере деятельности и общая текущая прибыль, получаемая конкретным субъектом бизнеса. Так, например, Н.Я. Петраков, считает, что экономические отношения между государством как собственником недр и недропользователем «...должны предусматривать обеспечение в добывающих отраслях нормальной прибыли на капитал, то есть прибыли, рассчитываемой по норме аналогичной с обрабатываемыми отраслями...» [6]. В свое время, как указывает В.Н. Черковец, например, Й. Шумпетер также считал, что земельная или горная рента является добавлением к средней прибыли благодаря экономии на издержках из за большей производительности труда

на лучших землях [7]. Несколько иное, но похожее мнение выдвигается Ю.В. Разовским, который предлагает определять величину дифференциальной горной ренты как разницу между прибылью горного производства полученной от реализации добытого из недр продукта и нормальной прибылью горного производства [8, С. 154]. Практически так же считает и И. Буздалов, определяя ренту как «излишек прибыли сверх среднего уровня» [9]. Как видим, так или иначе, в основу определения ренты предлагается по сути дела *остаточный принцип*. Вместе с тем такой принципиальный вопрос, а что же *первично* рента или нормальная, имеется в виду, средняя прибыль, даже не затрагивается. И, как следствие, возникает следующий вопрос о правомерности применения данного сугубо технического подхода для разделения прибыли на ренту и предпринимательский доход. К этим вопросам мы вернемся несколько позже. А вначале обратимся к некоторым, по крайней мере, весьма спорным выводам, которые делаются при использовании такого технического подхода. Так, например, делается вывод о том, что «Если природный ресурс, обладающий повышенным естественным качеством и лучшим местоположением, будет использоваться менее производительно, чем ресурсы с относительно низким качеством, то у собственника первого ресурса исчезнет DR-I (дифференциальная рента I – авторы), вследствие повышения его издержек производства» [10, С. 241]. Однако данный пример говорит лишь о том, что упала «эффективность» использования предпринимателем своего капитала. И рента здесь совершенно не причем. Повышение издержек производства сверх того уровня, который обеспечивает получение предпринимателем нормальной (средней) прибыли приведет не к исчезновению ренты, а к уменьшению предпринимательского дохода недропользователя. На практике именно так и происходит. Увеличивая затраты, предприниматель тем самым понижает рентабельность и налогооблагаемую прибыль, но, это никаким образом не отражается на величине ренты. Как справедливо по этому поводу замечено, природная рента «...это своего рода дивиденды, которые государство получает как собственник недр... В соответствии с этим, предприятия должны платить за лучшее качество месторождений вне зависимости от своих производственных, финансовых, экономических или других результатов. Если предприятие считает условия ... неприемлемыми, то оно должно отказаться от их разработки» [11]. С таким выводом вполне соглашается и А.П. Куликов. «Собственник знает, сколько стоит аренда земли такого качества на рынке, – пишет он, – а потому его не интересует, какой урожай получит арендатор, для него важно стабильное получение установленной арендной платы» [12, С. 405–406].

На наш взгляд, именно на таком принципе должны формироваться организационно-экономические отношения между собственником недр и предпринимателями – арендаторами. Иными словами, *остаточный принцип* заключается в следующем: заплати

в первоочередном порядке ренту, обусловленную соглашением, а оставшуюся часть прибыли получай в форме предпринимательского дохода.

Представляется, что данный принцип в полной мере соответствует пониманию экономической сущности ренты и ее субстанции – добавочной прибыли. Например, А. Смит считал, что в рентных отношениях ведущую роль играют интересы собственника земли. В частности он указывал: «Рента, рассматриваемая как плата за пользование землей, естественно, предоставляет наивысшую сумму, какую в состоянии уплачивать арендатор при данном качестве земли. При подготовке и подписании соглашения с недропользователем, землевладелец стремится оставить ему лишь такую долю продукта, которая достаточна для возмещения капитала, затрачиваемого им на семена, на оплату труда, покупку и содержание скота, а также остального сельскохозяйственного инвентаря, и для получения обычной в данной местности прибыли на вложенный в сельское хозяйство капитал. Это, очевидно, наименьшая доля, которую может удовлетвориться арендатор, не оставаясь в убытке, а землевладелец редко имеет в виду оставить ему больше. Вся ту часть продукта, или, что то же самое, всю ту часть его цены, которая остается сверх этой доли, землевладелец, естественно, стремится удержать для себя в качестве земельной ренты, которая, очевидно, будет представлять собою наивысшую сумму, какую только арендатор может платить при данном качестве земли» [13, С. 120]. Еще более конкретно по этому поводу высказался К. Маркс, отмечая ситуацию, при которой «в арендных деньгах частично, а, в известных случаях, исключительно, – скрывается вычет из средней прибыли, или из нормальной заработной платы, или из той и другой одновременно» [14, С. 174]. И делает вывод о том, что: «Если прибыль действительно возникает наряду с рентой, то *не прибыль* является *границей ренты*, а *рента* является *границей прибыли*» (выделено авторами) [14, С. 362].

Таким образом, исходным в решении проблемы распределения прибыли на ренту и предпринимательский доход, является ориентация на те объекты недропользования, которые не приносят добавочного продукта, а значит и добавочной прибыли (а, следовательно, и ренту), т. е. наихудшие их имеющихся. По этому поводу Давид Рикардо писал: «...доход, доставляемый беднейшим рудником, не платящим никакой ренты, будет регулировать ренту всех других более производительных рудников. Предполагается, что этот рудник дает обычную прибыль на капитал. Все, что другие рудники дают сверх нее, будет, разумеется, уплачиваться их владельцам в качестве ренты» [15]. Ему вторит Д.С. Миль, который полагал, что конечные затраты на худшей из земель это «мерило, позволяющее оценивать величину ренты, которую принесут все прочие земли. Любой участок земли приносит настолько больше обычной прибыли на капитал, насколько этот участок дает больше, чем самый скверный из возделываемых участков» [16, С. 153].

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что именно разницей в прибылях, получаемых на лучших и наихудших участках при прочих одинаковых, общественно – нормальных условиях, определяется величина субстанции ренты – добавочного продукта, в итоге – добавочной прибыли и, как следствие, самой ренты.

Многие авторы выражают критическое отношение к такой, как они ее называют, «сверхприбыльной концепции» природной ренты. В частности А.П. Куликов полагает, что «Вычисленная с помощью «сверхприбыльной концепции» рента не является по своей сути природной, так как зависит не от природных характеристик месторождений, а от финансовых и экономических показателей предприятий» [8, С. 402]. Или, например, С. Киммельман, считает, что расчеты ренты на базе фактических затрат недропользователей могут быть как занижены, так и завышены, а значит недостаточно обоснованными [17].

Однако это зависит от того как, каким способом и на основе каких данных (насколько они репрезентативны) исчисляется рента и насколько она адекватна своей субстанции – добавочному продукту. Понятно, что реализация указанных принципов и метода многофакторной корреляции требует подготовки репрезентативных данных. На это обстоятельство указывают многие авторы. Насчет репрезентативности данных вполне определенно выразился В.И. Данилов-Данильян: «...при исчислении горной ренты необходима если не массовость, то, хотя бы, множественность предприятий, добывающих конкретный вид минерального сырья» [3]. И здесь вполне можно согласиться с С. Киммельманом в том, что: «Точность и объективность расчета горной ренты, – зависят от достоверности учета основных показателей, влияющих на ее величину. Здесь важны два аспекта: учет количества и качества добытых полезных ископаемых в натуральных показателях; учет, в том числе, бухгалтерский, стоимости их реализации» [17].

Так что критика «сверхприбыльной концепции», основанной на понятии добавочной прибыли, являющейся субстанцией ренты и определяемой природным фактором, не имеет под собой, с нашей точки зрения, сколько-нибудь существенных оснований. Вопрос состоит лишь в том, насколько адекватны методы, которые предлагается использовать для разделения прибыли от добывающей деятельности на предпринимательский доход и ренту. Его решение может быть обеспечено, при условиях, если эти методы, первое, отражают генезис самой ренты, то есть развитие (метаморфозы) форм добавочного продукта, а, второе, устанавливают *закономерную связь между добавочным прибавочным продуктом (субстанцией ренты) и разнообразными природными факторами его обуславливающими*. Выявление характера этой причинно-следственной связи позволит ее формализовать и предложить алгоритм и методику расчета добавочного продукта, выделить добавочную прибыль из всей произведенной прибыли, и, таким образом, определить величину предпринимательского дохода.

Итак, в соответствии с первым условием проследим развитие превращенных форм добавочного продукта. Как известно, в процессе кругооборота капитала, функционирующего в недропользовании, по мере перехода из одной стадии в другую, происходит смена его форм. При этом именно в стадии производства, в которой капитал выступает в производительной форме, происходит создание конкретного продукта (потребительной стоимости) определенного объема, в том числе продукта прибавочного, а в его составе, при определенных условиях и добавочного продукта. Поскольку в недропользовании наряду с использованием традиционных факторов производства принимает участие и природный фактор, качество которого существенно влияет на результативность производства, то на более качественных месторождениях (при прочих равных условиях) в составе прибавочного продукта создается добавочный продукт. Такой добавочный продукт и представляет собой субстанцию, которая в дальнейшем кругообороте, на стадии реализации, принимает форму добавочной прибыли. В последующем, при наличии рентных отношений, которые складываются между собственником недр и предпринимателем – арендатором, добавочная прибыль, отчуждаемая в пользу собственника, в полном или частичном (в отношении добавочного продукта) размере, принимает форму ренты. Понятно, что решение о формах и размерах изъятия добавочного продукта в форме ренты остается за собственником недр, в нашем случае, государством, в зависимости от характера задач, решаемых в недропользовании (подробно об этом см. в работе [18, С. 317–336]). Здесь мы в полной мере согласны с точкой зрения А.В. Ложниковой по поводу того, что при определении внешних форм и видов ренты и, от себя добавим, при попытках определить ренту вне связи с тем, что рента является всего лишь формой проявления своей субстанции, «...первичный характер производства ренты оказался практически утраченным. В то же время именно фаза производства ренты является приоритетной с точки зрения государственного регулирования и во многом определяет экономическое содержание последующих процессных фаз ренты» [19].

Относительно второго условия, обратимся к конкретным природным факторам, характеризующим месторождения, и к вопросу о том какова теснота связи между природными характеристиками месторождений и экономическими результатами их разработки.

Поскольку размеры статьи ограничены, мы не станем подробно останавливаться на идентификации факторов, характеризующих природное качество торфяных месторождений (подробно об этом см. в работах [5, С. 101–113] и [18, С. 146–166]). Что же касается их оценки, то, как отмечает Главный специалист ОАО «Гипроторф» А.Л. Ямпольский, их разнообразие обуславливает «методические затруднения их общей оценки и соизмерения на основе

натуральных показателей». И далее, система оценки, «...объединяющая все его [месторождения – авторы] натуральные показатели, ... дает развернутую, но не обобщенную оценку разнообразия их функций». Поэтому А.Л. Ямпольский предлагает учитывать эти разнородные натуральные показатели через однородные стоимостные оценки. Хотя они также характеризуются им, как «приближенно обобщенные» [20, С. 23].

Если принять во внимание, что любой способ оценки, основанный на формализации, экономико-математическом моделировании, так или иначе носит в значительной мере вероятностный характер, то его адекватность определяется минимальным расхождением между расчетными и реальными показателями. Однако, при построении функциональных зависимостей между потенциальной величиной ренты и разнообразными характеристиками месторождений важно, как это можно наблюдать, не потерять логику в отображении причинно-следственных связей между сущностью природной ренты, ее выражением как формы добавочной прибыли (сверхприбыли), с одной стороны, и методом определения и формой изъятия, с другой. Наиболее показательны в этом плане выглядят «характеристическая концепция» ренты А.П. Куликова. Он, обосновывая ее, пишет: «При расчете величины природной ренты первичен учет физических, химических и геологических (и других природных) факторов. Как было отмечено ранее, взаимосвязь между финансово-экономическими показателями деятельности предприятия и природными характеристиками используемых месторождений практически никогда не является явной и жестко заданной. В этой связи для расчета природной ренты в качестве исходной информации следует использовать значения природных факторов ресурсов» [12, С. 407].

Далее автор переходит к вопросу об исчислении абсолютного значения горной ренты. «...Абсолютное значение природной (горной) ренты Γ , – пишет он, – является функцией количества добываемых ресурсов недр и их характеристик, т. е. $\Gamma = \Phi(V, q)$, где V – количество добываемых ресурсов, а q – характеристики условий их залегания и добычи...» [12, С. 408]. В формуле представлена зависимость ренты не только от природных характеристик месторождения, но и от количества добываемых ресурсов. Но, во-первых, последнее само во многом определяется природными характеристиками, а, во-вторых, оно зависит не только от природных факторов, но непосредственно и от того, насколько эффективно предприниматель хозяйствует на месторождении. А это, как уже нами было сказано ранее, изначально к ренте не имеет никакого отношения. Таким образом, нельзя признать удачной попытку определить одно неизвестное через другое неизвестное. Кроме того, если четко следовать понятию ренты и ее субстанции, то проявляется рента так, что она, как правило, не только не совпадает с ней по своей величине, но и по форме изъятия.

Но, смоделировав процесс определения горной ренты в соответствии с предложенной функцией и

проиллюстрировав предлагаемый метод на условном примере, А.П. Куликов, делает ряд выводов, на которые мы не можем не обратить внимание. «Так как в теории ренты плата за наихудшие недра – константа пишет А.П. Куликов, – а наихудшие недра могут быть со сколь угодно плохими характеристиками условий залегания и добычи, то эту константу можно положить равной нулю. Тогда природная рента становится равной плате за месторождение» [12, С. 409]. Но возникает вопрос. Так что же первично? Получается, что не рента определяет арендную плату, как одну из возможных форм ее изъятия, а, наоборот, арендная плата определяет ренту. И, вообще, как можно определить плату за месторождение, если рента равна нулю, а само месторождение, ничего не стоит, поскольку его «цена» определяется исключительно капитализацией ренты?

Учитывая вышесказанное, мы видим своей задачей – предложить натурально – стоимостную методику (назовем ее так) определения добавочного дохода, как субстанции природной ренты, которая адекватно отражает природный характер и величину добавочного продукта (как субстанции ренты) и соединяет в себе натуральные и стоимостные оценки.

Для начала укажем на некоторые основополагающие принципы и допущения, использование которых позволит исключить влияние разного рода факторов, не имеющих прямого отношения к образованию рентного дохода, но обуславливающих (в процессе его отчуждения) отклонение от своей субстанции – создаваемого в процессе производства добавочного продукта:

- добываемая продукция реализуется по стоимости, при этом дополнительный доход или убыток, образуемые при продаже продукции по рыночной цене, отражаются лишь на величине предпринимательского дохода;

- стоимость всего добываемого продукта с единицы площади месторождения, равно как и дополнительного дохода, адекватна общественно – нормальным, *средним условиям* производства, при этом отклонение от этих условий отражается в той же мере и на величине предпринимательского дохода;

- на худших по природным условиям месторождениях, где добавочный продукт и, как следствие, природная рента не образуется, общественная стоимость добываемого продукта проявляется как его цена производства, и в ее составе *средняя* прибыль, на получение которой рассчитывает предприниматель – недропользователь;

- на лучших участках (*при средних в данной сфере недропользования условиях производства*) образуется добавочный продукт, приобретающий форму добавочной прибыли (*сверх средней прибыли*), которая составляет основу природной ренты. Кстати, на это обстоятельство указывал К. Маркс, который писал, что рента выступает как «...добавочная прибыль, если она создается *нормально*, а не благодаря *случайным обстоятельствам* (выделено нами – авторы) процесса обращения, всегда производится как разность

между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда, и эта добавочная прибыль превращается в земельную ренту, если *одинаковые* количества капитала и труда заняты на *одинаковых* по величине земельных участках и дают *неодинаковые* результаты» (выделено нами – авторы) [10, С. 200];

– размер *изымаемой* природной ренты целиком зависит от целей и характера проводимой в стране политики ее изъятия. Но он не должен быть выше, чем величина добавочного продукта, обусловленная лучшими природными условиями, и не должен до перезаключения договора «залезать» в предпринимательский доход, достигнутый в результате большей эффективности его деятельности, и, как итог, получаемый предпринимателем как пользователем недр.

Иллюстрацию предлагаемой методики мы представляем не на условных данных, а на конкретных результатах деятельности десяти крупных региональных российских предприятий в годы *стабильной* (подчеркнуто нами – авторы) работы торфяной промышленности (**таблица**). Как следует по данным строки 4, получается, что наибольший добавочный продукт, представленный количеством дополнительной продукции в 213 т в расчете на 1 га месторождения, получен в объединении ИТ (столбец 9), а нулевой – в объединении СТ (столбец 5). В строке 5 указаны места по ранжиру всех десяти торфобъединений, которые они занимают по показателю производства добавочного продукта. Однако эти показатели должны быть скорректированы, поскольку предприятия характеризуются разными индивидуальными условиями производства (капитал, труд, организация и др.), и произведенный добавочный продукт в определенной части обусловлен не только природным фактором, а является результатом более эффективной деятельности самого предпринимателя-недропользователя. Понятно, что в этом случае, данная часть добавочного дохода объективно не является субстанцией ренты и не должна присваиваться собственником месторождения. В противоположность этому она, как субстанция предпринимательского дохода, должна присваиваться предпринимателем.

Поскольку материальной основой более высоких результатов предпринимательства является органическое строение производства (капитала), а конкретно – более высокий уровень его технической оснащенности, характеризующийся, прежде всего показателем фондо-, или капиталовооруженности труда, то корректировку добавочного продукта вполне можно произвести по этому показателю (строка 8). Конкретно, по коэффициенту $K_{\text{он}}$, который показывает величину отклонения индивидуальных условий производства, представленных в строке 10, от общественно-нормального (среднеотраслевого) уровня технической оснащенности торфодобывающей отрасли (строка 9). В результате, в тех объединениях, в которых условия производства по уровню выше, $K_{\text{он}} > 1$ (строка 10, столбцы 6, 8, 11, и 12), чем

в среднем по отрасли (строка 9), то добавочный продукт (строка 4) оказывается завышенным, поскольку определенная часть его является результатом более высокой технической оснащенности и эффективного хозяйствования. В тоже время у предприятий, отличающихся по условиям производства в худшую от средних условий сторону $K_{\text{он}} < 1$ (строка 10, столбцы 3, 4, 5, 7, 9, 10), добавочный продукт оказывается, наоборот, заниженным (строка 4). Поэтому, с помощью коэффициента приведения $K_{\text{он}}$ (строка 10), корректируем величины сезонного сбора торфа с 1 га (строка 11) и добавочного продукта (строка 12) и, тем самым, определяем реальные его объемы, производство которых обусловлено исключительно природными условиями при общественно-нормальных, средних условиях технической оснащенности, сложившихся в отрасли. В итоге данные, представленные в строке 13, показывают, что в тех торфобъединениях, где техническая оснащенность ниже общественно-нормальной, имеет место недобор добавочного продукта и, наоборот, преувеличена та часть прибавочного продукта, которая является субстанцией предпринимательского дохода. Поэтому, отчуждаемая природная рента должна быть установлена в большем размере, чем фактически произведенный добавочный продукт (строка 13, столбцы 3, 4, 5, 7, 9, 10). В тех же объединениях, где технический уровень производства выше, чем в среднем по отрасли, наоборот, добавочный продукт преувеличен, а предпринимательский доход, обусловленный более высоким уровнем технической оснащенности, чем в среднем по отрасли, занижен. Поэтому, изымаемая природная рента должна быть уменьшена относительно фактически произведенного добавочного продукта до его расчетной, приведенной величины.

Произведенная таким образом коррекция, как нам представляется, адекватно отражает природные и технические условия добывающего производства и их роль в *производстве* прибавочного продукта, в том числе и добавочного продукта, который является субстанцией ренты. То же самое относится и к другой части прибавочного продукта, выступающей в форме предпринимательского дохода, заключающего в себе как среднюю прибыль, так и избыточную прибыль. Последняя обусловлена лучшими, чем общественно-нормальные, условиями производства. *Стоимостное* (денежное) выражение натурального объема всей добываемой продукции и его составляющих (добавочного продукта и, соответственно, ренты; предпринимательского дохода и, соответственно, прибыли недропользователя), определяется на основе общественной стоимости единицы произведенной продукции на худших по природным условиям месторождениях, но при общественно-нормальных условиях производства.

Как отмечалось выше, экономические результаты от добывающей деятельности зависят от множества факторов, которые в комплексе характеризуют месторождение. Поэтому интересно было бы наряду с рассмотренной выше методикой, которая позво-

Натурально-экономические показатели оценки добавочного продукта, произведенного в ряде региональных торфообъединений Росторфа РФ* [Natural – economic indicators of the evaluation of the additional product produced in a number of regional peatboys of Rosthorfa of the Russian Federation]											
№ п/п	Показатели	Производственные региональные торфообъединения (аббревиатура)									
		КТ	ВТ	СТ	КиТ	ГТ	СмТ	ИТ	ЯТ	ШТ	ЛТ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Площадь месторождения, га	10716	7632	7265	11567	7499	3227	3740	10524	11790	19666
2	Валовый сбор фрезерного торфа, тыс. т	5164	2480	2177	4890	3016	1322	1919	5278	4202	7201
3	Сезонный сбор торфа, т с 1 га (стр. 2 : стр. 1)	482	325	300	423	402	410	513	502	356	366
4	Добавочный продукт по отношению к худшим по природным условиям месторождениям, т с 1 га	182	25	0	123	102	110	213	202	56	66
5	Ранжир торфообъединений по природным условиям (данные стр. 4)	3	9	10	4	6	5	1	2	8	7
6	Среднегодовая величина ОПФ (без пассивной части), тыс. руб.	29632	20467	24650	26026	27281	13616	14666	32193	31541	43729
7	Численность работающих в объединениях, человек	5340	3827	8341	4263	5010	1402	4049	6283	5422	7303
8	Фондовооруженность труда, тыс. руб./чел. (стр. 6 : стр. 7)	5549	5348	2955	6245	5445	9720	3622	5124	5817	5988
9	Средняя фондовооруженность труда, тыс. руб./чел. (сумма по стр. 8 : 10)	5581	5581	5581	5581	5581	5581	5581	5581	5581	5581
10	Коэффициент приведения добавочного продукта к общественно нормальным условиям производства ($K_{ОН}$ = стр. 3 : стр. 9)	0,99	0,96	0,53	1,12	0,98	1,74	0,65	0,92	1,04	1,07
11	Приведенная (расчетная) к общественно нормальным условиям величина сезонного сбора торфа, т с 1 га (стр. 3 : стр. 10)	487	339	566	378	410	236	789	546	342	342
12	Приведенная (расчетная) величина добавочного продукта по отношению к худшим по природным условиям месторождениям, т с 1 га (стр. 11 – стр. 3 + стр. 4)	187	39	266	78	107	-64	489	246	42	42
13	Увеличение (+), уменьшение (-) приведенной (расчетной) величины добавочного продукта от фактической, т (стр. 12 – стр. 3)	+5	+14	+266	-45	+5	-174	+276	+44	-14	-24
14	Ранжир торфообъединений по добавочному продукту (потенциальной ренте) (по данным стр. 12)	4	9	2	7	5	10	1	3	8	6

Таблица предназначена исключительно для иллюстрации натурально-стоимостного метода оценки добавочного продукта как субстанции горной ренты и как субстанции части предпринимательского дохода для региональных объединений, названия которых обозначены аббревиатурой (Например, КТ – Калининторф, или ЛТ – Ленторф и т. д., Однако, в данном случае это не принципиально).
*Составлено по усредненным за четыре года (в период с 1968 по 1975 гг.) фактическим данным, в течение которых погодные условия были примерно одинаковы [5, С. 124–125].

ляет производить расчеты *post factum*, использовать метод многофакторного корреляционного анализа для определения *ожидаемых* величин добавочного продукта и сравнить расчетные показатели с *фактическими* величинами. Основу данного аналитического метода составляет функциональная (f) экономикоматематическая зависимость, которая отражает тесноту связи факторных признаков (x_i), характеризующих месторождение полезных ископаемых, с расчетным экономическим результатом (добавочным продуктом – y_r), то есть посредством функции:

$$y_r = f(x_1, x_2, x_3, \dots, x_j).$$

Для разработки и реализации конкретной, основанной на данной функции, методики требуется наличие и обработка большого массива исходной информации, конкретных данных по качеству месторождений и их разработке, то есть определиться с типом, объемом и порядком получения информации о факторных признаках (x_j), отражающих природные

характеристики месторождений [18, С. 159–163]. На этой основе можно было бы идентифицировать месторождения по однородности природных условий и разнести их по нескольким группам, ранжированным по качественным характеристикам. В этом отношении актуальным является вопрос о сборе такой информации. Было бы целесообразным создание на государственном уровне единой глобальной информационной базы характеристик месторождений, так как только государство имеет реальные возможности (в том числе и законодательные) для получения всей необходимой информации. Как отмечает А.Л. Ямпольский, для решения этой задачи в предшествующие годы был создан определенный задел: «...кадастровые справочники торфяных месторождений по всем регионам, выпущенные в разные годы ПГО Торфгеология, а также их последние уточнения, в том числе, выполненные в самих регионах (Институтом СибНИПИРП в Ханты-Мансийском автономном округе)» [20, С. 27]. Эту идею поддерживает и А.П. Куликов, который счи-

тает, что «Каждому месторождению, согласно данным кадастра, будет соответствовать своя величина природной ренты (*стоило бы уточнить: добавочной прибыли как субстанции ренты – авторы*). При изменении характеристик участка недр будут внесены соответствующие изменения в кадастр...» [12, С. 411].

После подготовки пула исходной информации на ее основе все месторождения можно было бы агрегировать в группы и определить для каждой из этих групп соответствующие усредненные природные характеристики. Чем больше будет таких групп, тем точнее будут оценки месторождений, входящих в группу. К самой низшей группе должны быть отнесены худшие по природным условиям месторождения, где можно рассчитывать только на получение средней прибыли, а к высшим группам – лучшие месторождения, в процессе разработки которых производится больший по величине добавочный продукт. Таким образом, используя рассмотренный выше метод, для каждой группы можно будет, во-первых, рассчитать величину добавочной прибыли, обусловленной лучшими природными условиями в расчете на единицу площади месторождения. Во-вторых, скорректировать размер изменяющегося во времени добавочного продукта и, соответственно, величины изымаемой ренты, принимая во внимание усложняющиеся условия разработки месторождения, его положение в каждый момент времени на кривой цикла жизни, и действие закона убывающего плодородия и, соответственно, убывающей доходности (подробно об этом, см. в работе [18, С. 146–166]).

Заключение

В конечном итоге, предлагаемый нами подход к определению величины добавочного продукта и его разделению на две составляющие, одну как субстанцию ренты, а другую как часть предпринимательского дохода, позволит выйти на решение следующих двух важных взаимосвязанных вопросов: о размере ренты, предназначенной к изъятию, и об адекватном механизме рентного регулирования, который в совокупности с налоговым администрированием торфодобывающего вида деятельности должен обеспечить консенсус в интересах собственника недр – государства и предпринимателей – недропользователей и, тем самым, создание понятных предпринимателям «правил игры», способствующих их привлечению в торфяной бизнес [21].

Библиографический список

1. Александров Г.А., Вякина И.В., Скворцова Г.Г. Рентные отношения и инвестиционная привлекательность торфодобычи // Горизонты экономики. 2016. № 3 (29). С. 21–31.
2. Макаркин Ю.Н. Научно-экономические основы горной ренты и экономические проблемы регулирования отношений недропользования // Бурение & нефть. URL: <http://burneft.ru/archive/issues/2011-01/15> (дата обращения: 20.11.2016).
3. Данилов-Данильян В.И. Природная рента и управление использованием природных ресурсов. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Научно-образовательный портал. URL: <https://iq.hse.ru/news/177741015.html> (дата обращения: 20.11.16).
4. Чернявский С.В. Концепция реформирования изъятия дифференциальной горной ренты в нефтедобывающей промышленности России. Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2013. 353 с.
5. Александров Г.А., Калачев Ю.В. Повышение эффективности торфяного производства. М.: Недра, 1980. 151 с.
6. Петраков Н.Я. Отношения собственности в переходной экономике. Институт проблем рынка РАН. URL: <http://www.ipr-ras.ru/articles/petr04-4.pdf> (дата обращения: 21.11.2016).
7. Черковец В.Н. Шумпетер и трудовая парадигма. Экономический портал. URL: <http://institutiones.com/personalities/207-2008-06-17-10-51-24.html> (дата обращения: 21.11.2016).
8. Разовский Ю.В. Методика и алгоритм определения величины дифференциальной горной ренты // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 1997. № 2. С. 153–157.
9. Буздалов И. Природная рента как категория в рыночной экономике // Вопросы экономики. 2004. № 3. С. 24–35.
10. Фрезен И.И., Рейник Н.А. Рента в механизме создания и распределения доходов. // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2003. № 8. С. 240–243.
11. Тропко Л.А., Киммельман С.А., Мелехин Е.С. К вопросу перехода к рентным платежам в отраслях ТЭК // Уголь. 2003. № 11.
12. Куликов А.П. Подход к оценке природной ренты с точки зрения характеристик месторождения // Сборник научных трудов. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2004. № 2. С. 398–419. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/podhod-k-otsenke-prirodnoy-renty-s-tochki-zreniya-harakteristik-mestorozhdeniya> (дата обращения: 21.11.2016).
13. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 657 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. 552 с.
15. Рикардо Д. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. URL: http://www.libertarium.ru/lib_ricardo_reader (дата обращения: 20.11.2016).
16. Миэль Д.С. Основы политической экономии. В 3 томах. Т. 2. М.: Прогресс, 1980. 495 с.
17. Киммельман С., Андрюшин С. Экономика рентных отношений в условиях современной России // Вопросы экономики. 2005. № 2. С. 83–94.

18. Александров Г.А., Вякина И.В., Скворцова Г.Г., Яконовская Т.Б. Повышение инвестиционной привлекательности добывающей промышленности: торфодобыча и рентные отношения / под ред. Г.А. Александрова. М.: Экономика, 2016. 357 с.

19. Ложникова А.В. Рента и рентная политика: трансформация в условиях модернизации экономики России. Автореф. дис.... д-ра экон. наук. Томск: ТГУ, 2011. 23 с.

20. Ямпольский А.Л. Методические вопросы эколого-экономической оценки торфяных болот // Торф и бизнес. № 2(16). 2009. С. 23–29.

21. Исаченков М. Бизнес не торопится входить в торфяную отрасль из-за того, что в ней не сформированы правила игры // Издание о бизнесе и технологиях. URL: http://www.equipnet.ru/interview/power-industry/power-industry_112.html (дата обращения: 21.11.2016).

Ekonomika v promyshlennosti = Economy in the industry

2017, vol. 10, no. 3, pp. 232–241

ISSN 2072-1633 (print)

ISSN 2413-662X (online)

Rental relations and profit sharing from extractive activity on rents and entrepreneurial income

G.A. Aleksandrov – g-alexandrov@rambler.ru, I.S. Komarov – ikomarov@rambler.ru

Tver State Technical University, 22 Naberezhnaya Afanasiya Nikitina, Tver 170026, Russia

Abstract. The paper theoretically grounded and offers an original approach to solving the problem of the division of profit from mining activity on the rent and profit of enterprise, a decision which will make it possible to develop an adequate rent relations mechanism for the creation of a favorable investment climate in the mining industry, and as a result, motivation and investment incentives.

In this article the aim is to formulate a theoretical basis and assumptions for the development of a specific method of allocation of rents, in particular peat rents, profits from the mining companies, as well as to identify the factors that determine the size of the rent generated by a substance in the course of mining activities.

As a methodological framework to achieve stated goals and solving the problems, the use of historical and logical research methods, system analysis and provisions of the economic theory of the nature and forms of manifestation of rent relations in the extractive industries.

The article formulates scientifically based proposals for the development of methods of separation of produced surplus product, helps out in the form of profits in the process of alienation on the part of it which is due to the quality of deposits and is the substance of the natural rent, and another part, which is the substance of business income and depends the quality of the entrepreneur's management – the subsoil user.

The findings are important, above all, in scientific terms, since they allow to move forward in the development of the conceptual issues of using the rent and rent relations in the formation of investment – attractive climate in the subsoil, and in particular, in the peat industry. In practical terms, they are a theoretical platform to create an effective mechanism regulation of rental relations and tax administration as the most important factors that determine the motivation to invest in the peat industry.

Keywords: subsoil use, the peat industry, the investment climate and investment attractiveness, rent relations, profits, rents mountain and its substance, entrepreneurial income

References

1. Alexandrov G.A., Vyakina I.V., Skvortsova G.G. Rent relations and investment attractiveness of peat extraction. *Gorizonty ekonomiki = Horizons economy*. 2016. No. 3(29). Pp. 21–31. (In Russ.)

2. Makarkin Y.N. Scientific and economic bases of mining rent and economic problems of regulation of subsoil relationships. *Burenie & neft' = Drilling and Oil*. Available at: <http://burneft.ru/archive/issues/2011-01/15> (accessed: 20.11.2016). (In Russ.)

3. Danilov-Danilian V.I. Natural Rent and management of natural resources. Available at: <https://iq.hse.ru/news/177741015.html> (accessed: 11.20.16). (In Russ.)

4. Cherniavsky S.V. The concept of reforming the withdrawal differential mining rent in the oil industry in Russia. Dis.... kand. ekon. nauk. Moscow, 2013. 353 p. (In Russ.)

5. Alexandrov G., Kalachev Y. *Povyshenie effektivnosti torfyanogo proizvodstva* [Improving the efficiency of peat production]. Moscow: Nedra, 1980. 151 p. (In Russ.)

6. Petrakov N.Y. Property relations in a transition economy. Available at: <http://www.ipr-ras.ru/articles/petr04-4.pdf> (accessed: 21.11.2016). (In Russ.)

7. Cherkovets V.N. Schumpeter and labor paradigm. Economic portal. Available at: <http://institutions.com/personalities/207-2008-06-17-10-51-24.html> (accessed: 21.11.2016). (In Russ.)

8. Razovsky Y.V. The technique and algorithm for determining the magnitude of the differential mining rent. *Gornyi informatsionno-analiticheskiy byulleten' (nauchno-tekhnicheskii zhurnal) = Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal)*. 1997. No. 2. Pp.153–157. (In Russ.)

9. Buzdalov I. The natural rent as a category in the market economy. *Voprosy ekonomiki = Economy questions*. 2004. No. 3. Pp. 24–35. (In Russ.)
10. Fresen I.I., Reinicke N.A. Rent in the mechanism of creation and distribution of income. *Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten' (nauchno-tekhnicheskii zhurnal) = Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal)*. 2003. No. 8. Pp. 240–243. (In Russ.)
11. Tropko L.A., Kimmelman S.A., Melekhin E.S. On the issue of transition to the rental payments in the sectors of Fuel and energy complex. *Ugol' = Coal*, 2003. No. 11. (In Russ.)
12. Kulikov A.P. Podkhod k otsenke prirodnoi renty s tochki zreniya kharakteristik mestorozhdeniya [Approach to the assessment of natural resource rents in terms of field performance]. *Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN. 2004. No. 2. Pp. 398–419. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/podhod-k-otsenke-prirodnoy-renty-s-tochki-zreniya-harakteristik-mestorozhdeniya> (accessed: 21.11.2016). (In Russ.)
13. Smith A. The Wealth of Nations. Moscow: Directmedia Publishing, 2008. 657 p. (In Russ.)
14. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 25. Part II. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1962. 552 p. (In Russ.)
15. Ricardo D. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955. Available at: http://www.libertarium.ru/lib_ricardo_reader (accessed: 11.20.2016). (In Russ.)
16. Mill J. Principles of Political Economy. Vol. 2. Moscow: Progress, 1980. 495 p. (In Russ.)
17. Kimmelman S., Andryushin C. Economy of rent relations in Russia today. *Voprosy ekonomiki = Questions of economy*. 2005. No. 2. Pp. 83–94. (In Russ.)
18. Alexandrov G.A., Vyakina I.V., Skvortsova G.G., Yakonovskaya T.B. *Povyshenie investitsionnoi privlekatel'nosti dobyvayushchei promyshlennosti: torfodobycha i rentnye otnosheniya* [Increase of investment attractiveness of the mining industry: peat extraction and rent relations]. Moscow: Ekonomika, 2016. 357 p. (In Russ.)
19. Lozhnikova A.V. *Renta i rentnaya politika: transformatsiya v usloviyakh modernizatsii ekonomiki Rossii* [Rent and Rent Policy: transformation in the conditions of modernization of the Russian economy]. Avtoref. dis... d-ra ekon. nauk. Tomsk: TGU, 2011. 23 p. (In Russ.)
20. Yampolsky A.L. Methodological issues of environmental and economic assessment of peatlands. *Torf i biznes = Peat and business*. No. 2(16). 2009. Pp. 23–29. (In Russ.)
21. Isachenkov M. Business is in no hurry to enter the peat industry is due to the fact that it has not generated the rules. *Izдание o biznese i tekhnologiyakh = Publication of business and technology*. Available at: http://www.equipnet.ru/interview/power-industry/power-industry_112.html (accessed: 11.21.2016). (In Russ.)

Informations about the authors:

G.A. Aleksandrov – Dr. Sci. (Econ.), Professor; **I.S. Komarov** – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor.